

Чарская Лидия Алексеевна

Лара Безсонова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Лара Безсонова / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 282 с.

ISBN 978-5-521-29832-7

ISBN 978-5-521-29832-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

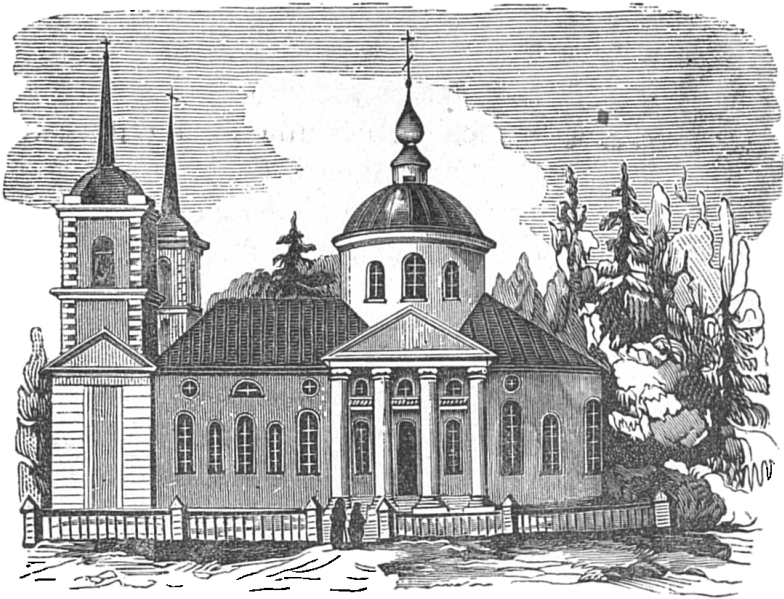
Лѣсъ близкій и молчаливо строгій... Что-то ревниво таящій, о чемъ-то неумолчно повѣствующій своимъ зеленымъ шумомъ.

Когда въ деревнѣ, на колокольнѣ старенькой церкви, что стоитъ у входа на кладбище, звонитъ призывно колоколъ, слышно какъ ему отвѣчаетъ такимъ же звономъ лѣсъ. И думается невольно: гдѣ звонятъ, въ лѣсу ли, или въ деревнѣ и жутко томится сердце предчувствіемъ тайны, красивой и большой.

Ночь...

На деревенскомъ кладбищѣ старинные часы гулко пробили одиннадцать ударовъ.

Ч а с ы
эти — даръ
прежней
д а в н о
умершей
помѣщи-
цы усадь-
бы Зелена
го Крута,
названной
т а к ъ п о
имени се-
ленія. По-
мѣщица
у м е р л а
лѣтъ двад-

цать назадъ... Съ тѣхъ поръ сѣрый домъ надъ обрывомъ, какъ бы, затихъ, замеръ въ своемъ молчаливомъ покоѣ. Новые помѣщики наследники, какой-то адмиралъ съ семьей живутъ въ Петербургѣ. Они давно сдали мельницу Зеленаго Крута въ аренду морскому капитану въ отставкѣ, давнишнему сослуживцу теперешняго хозяина, поручивъ ему приглядывать за домомъ на горѣ. Въ сторожкѣ, при

усадьбѣ, живетъ еще старый глухой сторожъ Терентьичъ съ малышомъ внукомъ. На его обязанности лежитъ сторожить домъ и инвентарь отъ хищеній. Ключи же отъ дома находятся на мельницѣ, у капитана. Капитанъ все еще не теряетъ надежды вручить ихъ новымъ владѣльцамъ усадьбы, но они почему-то упорно не ѣдутъ въ Зеленый Крутъ.

И старый домъ, какъ мрачный и угрюмый призракъ стоитъ на горѣ, медленно разрушаясь подъ гнетомъ времени...

Бѣлая весенняя ночь обливаетъ этотъ призракъ, сглаживая всѣ его шероховатости и морщины.

Весенняя ночь словно колдуетъ... Она вся голубоватомлечная, сказочно-таинственная, какъ воздушная фея.. Она набрасываетъ свое кружевное покрывало на забытую усадьбу, кидаетъ свои жемчужныя улыбки озеру, и отъ этихъ улыбокъ вся бездна озера кажется плавленной рудой серебра. И черное колесо мельницы на ея нѣжномъ фонѣ похоже на крыло чудовищной птицы.

Все особенно выпукло, рельефно въ эту бѣлую ночь... И дальнѣйшѣ липы, и ближнѣя липы, и кладбище съ церковью, и селенье...

Тишина... Изрѣдка лѣниво твякнетъ только въ деревнѣ собака словно съ просонокъ, и тотчасъ же пугливо замолкаетъ, чутко слушая ночь...

А ночь колдуетъ... Все колдуетъ хрупкой воздушной тишиною...

Но чу!

Не то скрипъ, не то шелестъ, шорохъ... И наконецъ короткѣй сильный ударъ..

Разззъ!

Съ трескомъ распаивается зеленая ставня въ крайнемъ окнѣ стараго дома. За ней раскрывается и самое окно... Въ его темномъ квадратѣ появляется бѣлая фигура...

Фея она или живое существо?

Если это человѣкъ то довольно-таки необычайный... Дѣвушка, почти дѣвочка, лѣтъ шестнадцати на видъ.

Смугло-золотистое отъ загара лицо, смуглыя руки... Тоненькая, какъ тростинка, высокая и гибкая, какъ она. Длинные, прямые черные волосы сбѣгаютъ на грудь, спину и плечи... А глаза русалки. Прозрачные, смѣющіеся и свѣтлые, какъ вода... И темныя гордыя брови. Есть что-то независимое въ ея горделивой фигуркѣ, свободное что-то, не признающее узды. Когда она взбирается на подоконникъ и протягивается во всю длину его отъ косяка къ косяку, видны ея босыя ножки съ сильными загорѣлыми ступнями.

Она сидитъ съ минуту молчаливая, неподвижная, какъ призракъ, потомъ простираетъ руки впередъ и говоритъ голосомъ звонкимъ какъ колокольчикъ.

— Милый садъ, здравствуй! Здравствуй! Вотъ видишь, я снова здѣсь, у тебя... И ты, старый домъ, здравствуйте оба! Ну, скажите: или вы не рады меня видѣть опять?.. Ваша мельничиха-царевна снова съ вами... Ваша озерная русалка здѣсь... Ваша фея... Садъ мой желанный, твоя веселая фея тутъ, съ тобою и любитъ тебя... Всѣхъ васъ любить... Оохъ какъ! Садикъ мой родименькій! Чаша моя забытая! Липы мои драгоцѣнныя! Ночка моя весенняя! Хорошо мнѣ съ вами! Ахъ, хорошо! Я царевна ваша, я единственная владѣлица стараго дома... Вы всѣ мнѣ подвластны здѣсь. Мое здѣсь все! И никому я не отдамъ моихъ владѣній! Старый садъ, слышишь? Старый домъ, слышишь? Мои, вы, мои, ненаглядные, милые! Мои! Мои! Мои!

Голосокъ ея вначалѣ звучный и высокій, теперь упалъ до шопота... Тихій, рокошущій, счастливый смѣхъ задрожалъ надъ чашей. И казалось, будто, смѣется русалка въ затонахъ зелени, въ саду...

Внезапно, легко и быстро соскользнула съ подоконника въ комнату дѣвушка, и устремилаь быстро, безшумно, ступая голыми пятками, къ двери. Перешагнула порогъ ея и очутилась въ сосѣдней огромной, сводчатой залѣ.

Здѣсь въ этой комнатѣ все невольнo приковывало къ себѣ взоры: и тяжелая, порядочно-таки обветшала, допо-

топная мебель, пузатые диваны, съ высокими спинками, стулья и кресла, неуклюжіе табуреты, столики и шкафы старинной формы, ютящіеся по угламъ...

Старомодные клавикорды, придвинутые къ задней стѣнѣ залы, высокій уродливый табуретъ передъ ними... На стѣнахъ—портреты. Въ старыхъ, потемнѣвшихъ, облупившихся отъ времени золоченыхъ рамахъ заключены важныя, чопорныя фигуры предковъ. Военные—въ высокихъ воротникахъ, въ прическахъ съ «височками», въ треугольникахъ, узкихъ, усыпанныхъ звѣздами и орденами мундирахъ, въ бѣлыхъ лосиновыхъ штанахъ. Статскіе—въ камзолахъ съ жабо при кружевныхъ манжетахъ. И красавицы, въ тюлевыхъ чепцахъ съ неизбѣжною розою у уха, на груди или въ рукѣ, въ широкихъ кренолинахъ и короткихъ баскахъ...

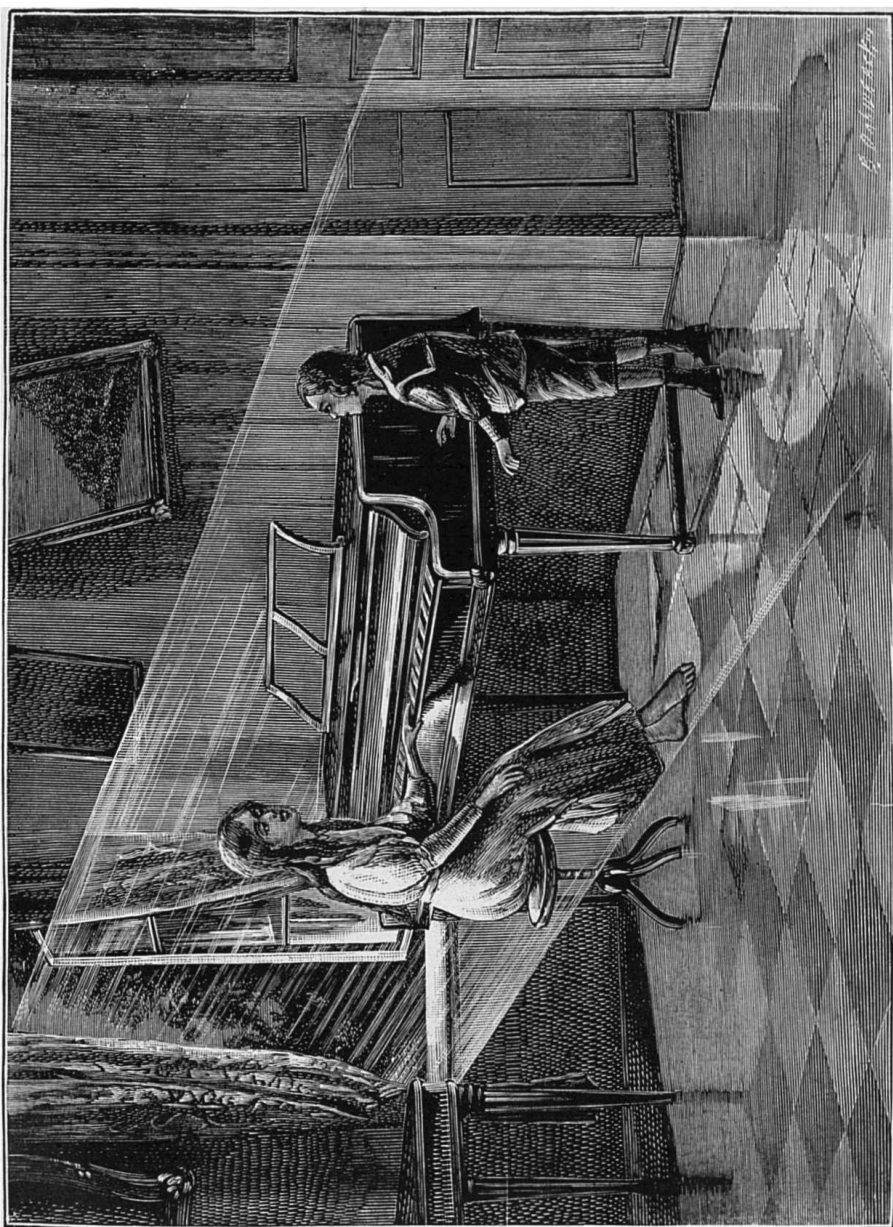
И мнится, въ ихъ угрюмомъ важномъ молчаніи скрытъ цѣлый міръ негодованья. Ихъ взоры съ выцвѣтшаго полотна устремлены на бѣлую фигурку, такъ независимо скользящую по паркету залы, и эти взоры точно говорятъ:

«Зачѣмъ ты пришла сюда, дѣвочка? Зачѣмъ нарушаешь нашъ покой? Здѣсь наше царство. Уже двадцать лѣтъ какъ домъ нашъ не обитаемъ... Зачѣмъ же ты пришла сюда?.. Ты—не наша... Это—старое, родовое дворянское гнѣздо... Тебѣ въ немъ нѣтъ мѣста... Уйди-же, уйди отсюда».

Но она не уходитъ, эта странная дѣвушка. Ей незачѣмъ уходитъ... Ей—безстрашной, отважившейся придти сюда въ эту старую усадьбу надъ обрывомъ, гдѣ бродитъ тѣнь зарѣзавшагося самоубійцы, ей-ли пугаться молчаливаго протеста предковъ?..

Ха, ха, ха!..

Она заливчато смѣется своимъ русалочнымъ смѣхомъ... Подбѣгаетъ къ клависсинамъ, открываетъ крышку инструмента. Ея руки падаютъ на клавиши... Первый звукъ... Хриплая, разбитая отъ времени нота не то жалуются, не то стонутъ подъ ея тонкими смуглыми пальчиками...

(Къ стр. 9).

Она поетъ, аккомпанируя себѣ на разбитомъ, дребезжащемъ инструментѣ. Поетъ нѣжнымъ, красивымъ голоскомъ:

Я—царевна серебряной ночи,
Я—царевна лучистаго дня...
Я люблю этотъ домъ позабытый,
Такъ давно пріютившій меня...
Я люблю эти старыя стѣны,
Въ нихъ царевной себѣ я кажусь...
Не страшусь этихъ горницъ
пустынныхъ,
Никого, ничего не страшусь...

Пусть слетаются призраки ночи,
Пусть русалки плетутъ хоромы,
Пусть ночное чудовище грозно
Въ эту залу безшумно войдетъ.
Не боюсь его жуткой улыбки...
Я царевна дворца моего,
Этотъ домъ съ его мертвымъ
молчаньемъ
Я люблю...

Внезапно обрывается пѣснь...

Что-то шуршитъ въ сосѣдней комнатѣ, за дверью...
Руки пѣвицы замираютъ на клавишахъ... Русалочки глаза
впились въ дверь... Вотъ тихо и осторожно она раскрылась
и легкій возгласъ изумленія замеръ на губахъ дѣвушки...

II.

ТКУДА онъ?

Откуда онъ могъ взяться,
этотъ маленькій человѣчекъ,
здѣсь, на порогѣ комнаты уже
болѣе двадцати лѣтъ необитае-
маго дома?

И кто онъ?

Онъ очень малъ. Это или
карликъ или ребенокъ. Но ли-
цо не дѣтски серьезно, важно
и болѣзненно блѣдно... Жал-

кое, маленькое личико съ большими задумчивыми гла-
зами. Въ этихъ глазахъ нѣтъ ни малѣйшаго страха. Они
смотрятъ скорѣе изумленно... Не густые, по плечамъ раз-

бросанные, слегка вьющіеся волосы и матроская куртка говорятъ за то, что это ребенокъ. Но эти глаза... О! Огромные, не дѣтски вдумчивые, не дѣтски строгіе... Въ нихъ заключенъ пытливый вопросъ. Цѣлый міръ пытливыхъ вопросовъ... А самъ такой хрупкій и нѣжный, какъ цвѣтокъ...

Минуты двѣ длится молчаніе, во время котораго оба внимательно, зорко разглядываютъ другъ друга... Наконецъ, мальчикъ первый прерываетъ его... Подъ старыми сводами залы звучитъ тоненькій, тоненькій голосокъ:

— Кто вы?

Молчаніе...

Смуглыя руки дѣвушки теперь лежатъ недвижно на ко-
лѣняхъ... Глаза русалки смотрятъ прямо въ лицо ребенка...

И опять кроткій, звонкій голосокъ:

— Пожалуйста, скажите, кто вы?

Тогда неопредѣленная улыбка трогаетъ малиновыя губки... Шаловливая улыбка! Она скользитъ по лицу и исчезаетъ въ глазахъ загадочныхъ и свѣтлыхъ, какъ небо весною.

— Фея! звучитъ короткій отвѣтъ.

— По болѣзненному, серіозному личику пробѣгаетъ чистое выраженіе восторга.

Черные глаза дѣлаются большими и яркими... Они загораются, какъ звѣзды.

Маленькія рученки протягиваются впередъ.

— Я, такъ и зналъ,—говоритъ онъ тихо и убѣжденно,—я такъ и понялъ съ первой минуты...—Ты—фея... И не можешь быть никѣмъ другимъ... У тебя такіе волосы, такіе глаза! Милая, добрая фея! Если бы только знала, какъ я всегда мечталъ встрѣтиться съ тобою! Я зналъ, что когда-нибудь увижу тебя... А они, такіе странные говорили, что фей не существуетъ на свѣтѣ!..

— Кто они? поинтересовалась дѣвушка.

— Всѣ. Сестры Римма и Соня, Сева, monsieur Жюль Марья Александровна, даже папа... Но тогда, зачѣмъ же

было бы людямъ разсказывать такія дивныя сказки о феяхъ? Неправда-ли? Вѣдь ты тоже изъ сказки, милая фея?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ она, — я изъ Зеленаго Крута. Я живу здѣсь, въ старомъ саду... Днемъ я сплю на зеленой постели изъ мха и былинокъ, а ночью просыпаюсь и прихожу сюда. Брожу по этимъ старымъ горницамъ, пою и играю...

— Я слышалъ. Ты поешь лучше жаворонка въ небѣ... Но развѣ ты училась играть?..

— Нѣтъ. Феи никогда ничему не учатся и все знаютъ...

— А зимою? Что ты дѣлаешь зимою милая фея?

— Зимой? Зимою мои эльфы выстраютъ мнѣ дворецъ изъ хрустальнаго льда и я поселяюсь въ немъ въ самой чащѣ сада надъ обрывомъ... А чтобы было намъ уютнѣе и теплѣе, они выложатъ его стѣны мхомъ и листвою... Они устраиваютъ мягкое ложе изъ мха и мы всѣ засыпаемъ до весны... А весною... Мы пляшемъ ночью на садовой полянѣ подъ соловьиныя трели или гоняемся за бабочками на зарѣ.

— Ты позволишь мнѣ, какъ-нибудь взглянуть на ваши пляски?

— Конечно! Хотя я сама не люблю кружиться съ ними, я охотнѣе прихожу сюда въ этотъ домъ. Здѣсь я чувствую себя прекрасно. Здѣсь мое настоящее царство.. Люди давно покинули этотъ домъ, онъ мой. Я люблю его. И эту залу съ портретами предковъ, и этотъ старый разбитый инструментъ, эти хриплые клавишины, и библіотеку съ книжными шкапами все люблю.

Тамъ, въ сосѣдней комнатѣ въ большихъ шкапахъ есть много дивныхъ книгъ, а я ихъ такъ люблю читать!... Но странно: до сихъ поръ я не встрѣчала тебя здѣсь въ домѣ, кто ты и, какъ попалъ сюда, мальчуганъ?—заключила она вопросомъ свою живую веселую рѣчь.

— Я?—И ребенокъ, до сихъ поръ слушавшій дѣвушку съ блаженно восторженнымъ лицомъ, вдругъ встрепнулся.— О, я далеко не такъ счастливъ, какъ ты, милая очарова-

тельная фея... Я очень слабенькій и хилый здоровьемъ. Меня зовутъ Толя... Толя Зарницынъ. Мой папа здѣшній, помѣщикъ. Ты не знаешь его конечно... Мы жили постоянно до сихъ поръ въ Петербургѣ... У насъ всегда бывало много гостей... А потомъ, папа рѣшилъ пріѣхать сюда. Сейчасъ онъ остановился съ сестрами, нашей гувернанткой и кузеномъ Мишелемъ у сосѣдей Бравиныхъ, а я, Сева и monsieur Jules, нашъ гувернеръ, пришли сюда, взяли ключъ отъ сторожа, велѣли принести сѣна и рѣшили провести здѣсь ночь. Завтра сюда пріѣдутъ всѣ наши съ тѣмъ, чтобы поселиться здѣсь на всегда.

— Что?

Громъ небесный, упавъ съ неба, не могъ-бы поразить болѣе дѣвушку, нежели эта послѣдняя фраза, произнесенная дѣтскимъ, невиннымъ голоскомъ.

Дѣвушка вздрогнула... Поблѣднѣла... Явный испугъ отразился въ ея глазахъ затемняя въ секунду ихъ водяную призрачность.

Ослышалась она или нѣтъ? Кто пріѣдетъ сюда? Кто нарушитъ царственный покой и таинственную прелесть давно забытой старой усадьбы?

Какіе люди, осмѣлятся ворваться въ ея владѣнія, въ ея прекрасное сказочное царство?..

Такъ, значитъ, этотъ темнокудрый мальчикъ—не случайный гость, забредшій подъ эту кровлю? Значитъ онъ—маленькій хозяинъ этого забытаго, было, на цѣлые двадцать лѣтъ гнѣзда?

Дыханье стѣснилось въ груди дѣвушки...

Она поняла съ мучительной ясностью все отъ слова до слова...

Поняла и затрепетала, какъ птичка надъ бурнымъ натискомъ захватившаго ее горя.

— Боже Великій! Такъ это не сонъ? Не сонъ!.. О!.. Забытая усадьба—не ея усадьба... Старый домъ—не ея домъ. Дикій садъ—не ея садъ... И разбитые, но все же милые клавикорды не принадлежатъ больше ей... И портреты